

СОВРЕМЕННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ЕГО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ (КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Глухова А. В.

Глухова Александра Викторовна, Воронежский государственный университет, 394088, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. В. Невского, 15. Эл. почта: avglukhova@mail.ru

В статье идет речь о новых рисках, порожденных глобализацией, и об идентификационных основаниях современных политических конфликтов. Приводятся точки зрения известных ученых относительно доминантного размежевания, определяющего современный глобальный конфликт как конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью (Э. Гидденс); между крайним национализмом (фашизмом) и плюрализмом гражданского общества (Р. Дарендорф); между либеральным и фундаментально нелиберальным порядком (С. Хантингтон). Отмечается возрастание правого и левого популизма в различных регионах мира. Доминантное размежевание на глобальном уровне резонирует в региональные и национальные «домены», порождая и в них противостояние между модерном и архаикой, демократией и различными разновидностями авторитаризма, открытостью внешнему миру и автаркией (режимом закрытого доступа). Стратегия охранительства, избранная некоторыми правящими элитами, может иметь успех в тактическом плане, поскольку позволяет добиться общественной консолидации на основе сохранения самобытности и традиционных ценностей, встречающих поддержку широких слоев населения, испытывающих страх перед неопределенностью будущего и рисками дестабилизации. Однако стратегически она может обернуться колоссальным проигрышем, неэффективной растратой человеческих, материальных и временных ресурсов, которые в сложившихся глобальных условиях являются невозможными.

Ключевые слова: глобализация, риск, глобальный политический конфликт, доминантное размежевание, фундаментализм, космополитическая толерантность, либеральный порядок.

Современный этап мирового развития создает мучительное интеллектуальное напряжение для исследователей: он с трудом поддается выверенным определениям и точным дефинициям по причине исключительной сложности социально-экономических, политических, социокультурных и иных процессов, протекающих как в глобальном, так и в региональном, и в национальном масштабе. Объяснительная модель глобализации — при всей неопределенности и изначальной спорности этого понятия — оказывается эвристически ценной, поскольку дает возможность воспринимать происходящее в неких

концептуальных рамках, а именно учитывать взаимозависимость, неопределенность и беспокойство, порождаемые глобализационными процессами, как типичные характеристики современного мира. К их числу относится также возрастание рисков непредвиденных вызовов и неожиданных решений, на которые регулярно обращают внимание все современные исследователи. По словам Р. Дарендорфа, «рука об руку с глобализацией мы переживаем распад права и порядка, как в отдельной стране, так и повсеместно. Это могло бы стать определяющей темой нашего времени ...» (Dahrendorf, 2003). Под угрозой оказывается свобода — главное историческое достижение человечества.

Возникающие факторы риска отличаются своей принципиальной новизной и затрагивают людей независимо от того, где они находятся и к каким слоям общества — привилегированным или обездоленным — принадлежат. В большинстве случаев (хотя и не исключительно) риски связаны с глобализацией — этим своеобразным «пакетом» перемен, протекающих далеко не синхронно в различных областях, что лишь усиливает ощущение ускользающего порядка. В силу этого резко возросла эвристическая значимость категории «риск», связанной с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. По словам Э. Гидденса, риск как простое, на первый взгляд, понятие является «ключом к разгадке некоторых базовых характеристик мира, в котором мы сегодня живем» (Гидденс, 2004).

В поисках объяснений природы и прогнозирования возможных последствий столь серьезных вызовов исследователи нередко прибегают к историческим аналогиям, пытаясь при помощи анализа прецедентов сформулировать возможные рецепты решения современных проблем. Нельзя сказать, что такие методологические приемы вообще лишены смысла: знание истории тем и полезно, что она дает достаточно пищи для размышлений. Вместе с тем слепые экстраполяции прошлых ситуаций на день сегодняшний не только не помогут созданию соответствующих объяснительных моделей, но и превратят исследователя в пленника прошлых стереотипов и идеологических клише. В современных условиях полезными окажутся лишь проверенные временем методологические приемы, с помощью которых можно попытаться диагностировать сегодняшнюю ситуацию при всей ее специфичности, соответствующей времени.

В XIX в. характеристику мира, столкнувшегося с похожими, но куда менее масштабными и разнообразными последствиями промышленной революции, ставшей прологом революции социальной, дал в своих работах К. Маркс. Одновременно он предложил в качестве методологического инструмента анализа тогдашних политических реалий прием доминантного размежевания, т.е. диагностирование основного конфликта, характеризовавшего суть происходивших процессов. По общему признанию как сторонников, так и оппонентов К. Маркса в прошлом и настоящем, доминантным размежеванием, т.е. основным конфликтом середины XIX в., был классовый конфликт между буржуази-

ей и пролетариатом. При этом в западноевропейских обществах сохранялись и прочие конфликтные размежевания, включая отголоски религиозных войн, этнические, региональные и иные расколы, однако основным все-таки был конфликт, детально исследованный К. Марксом. Разрешение последнего давало возможность, по мнению автора, овладеть будущим, освободиться от привычек и предрассудков прошлого и создать новое, принципиально иное общественное устройство, свободное от пороков, присущих капитализму. Привлекательность этого проекта оказалась настолько мощной, что под его знаком, пусть и в утрированном виде, прошло целое столетие.

В современных условиях методологический прием доминантного размежевания, предложенный К. Марксом, приобретает особое значение. Фиксируемая исследователями повышенная конфликтность на глобальном, региональном и — в ряде случаев — на национальном уровне не может не вселять тревогу. Масштаб проблем настолько велик, что требует оперативной диагностики и выработки комплекса мер в целях своевременного реагирования на наиболее конфликтные узлы современных общественных отношений. Хотя право реализации этих мер остается за политиками, обычно опаздывающими с принятием и исполнением важнейших решений, возрастающая ответственность ложится и на интеллектуалов, предьявляя повышенный спрос на производимый ими научный продукт.

Какой же конфликт следует считать доминантным размежеванием сегодня? Английский социолог Э. Гидденс полагает, что главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью, в котором у последней все-таки больше шансов на победу. Причина этого конфликта заключается в том, что глобализация способствует возникновению стрессов и напряженности, затрагивающих традиционный образ жизни (семью, религию) и культуру в большинстве регионов мира. Мир рушащихся традиций порождает фундаментализм, адепты которого считают культурное разнообразие тревожным и опасным явлением. Идет ли речь о религии, этнической идентичности или национализме — они ищут прибежище в обновленной и «очищенной» традиции, а зачастую и в насилии.

Вместе с тем, на взгляд Э. Гидденса, есть основания надеяться, что космополитическая точка зрения победит. Терпимость в отношении культурного разнообразия и демократия, по его мнению, тесно взаимосвязаны, а демократия сегодня распространяется по всему миру. За распространением демократии стоит глобализация. В то же время парадоксальным образом она демонстрирует ограниченность наиболее привычных нам демократических структур, а именно структур парламентской демократии. Необходима дальнейшая демократизация существующих институтов в соответствии с требованиями глобальной эпохи. «Хозяевами своей истории мы никогда не станем, но найти способ «поймать» наш ускользающий мир можем и должны», — уверен Э. Гидденс (Гидденс, 2004).

Серьезную озабоченность происходящими процессами высказывал также другой выдающийся интеллектуал XX в. Р. Дарендорф. Он был уверен в том, что современные угрозы порождаются противоречиями как побочными следствиями развития жизненных шансов в гражданском обществе. Когда ломаются наиболее абсолютные лигатуры прежних времен, поначалу возникает вакуум. «Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется», — писали в свое время, чем-то похожее на наше, К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте». Люди теряют опору, которую им могут дать лишь глубинные культурные связи; благоприятную почву для архаизации создает аномия (Кравченко, 2014). Для совместной жизни людей это имеет разнообразные и весьма серьезные последствия. Времена аномии — это времена крайней неуверенности в повседневной жизни. Начинает раздаваться призыв к «закону и порядку», люди ищут себе опору везде, где только могут найти. Появляются воспоминания, идущие из самых недр истории, воспоминания об утраченной теплоте старых социальных взаимосвязей. Снова начинают вызывать интерес национальные корни и абсолютные догматы веры.

По мнению немецкого ученого, национализм и фундаментализм — два великих соблазна современности; «в конце XX в. они встают перед нами во всей своей красе» (Дарендорф, 2002). Различая их умеренные и крайние (абсолютные) версии, Р. Дарендорф напоминал, что последние противоречат всем элементам жизненных шансов и недвусмысленно вступают с ними в борьбу. Крайний национализм и воинствующий фундаментализм не терпят ни многообразия, ни автономии гражданского общества, не говоря уже об его цивилизности. Все права для них заслоняет религиозная или националистическая химера. А главное — они нисколько не заботятся об экономических последствиях своих действий, поэтому с ними нельзя бороться методами открытого общества (Дарендорф, 2002).

Посвятив большую часть своих последних работ переходам к демократии, Р. Дарендорф был особенно внимателен к процессам, развернувшимся на территории бывших социалистических стран. Наибольшая опасность для них ученому виделась в фашизме, который он трактовал как сложный комплекс идеологических, психологических и политических компонентов, включая состояние ностальгической идеологии общины, делящей всех на своих и чужих; новую политическую монополию, устанавливаемую человеком или «движением»; сильный акцент на организацию и мобилизацию, а не на свободу выбора. «Правление закона приостанавливается; диссидентов и лиц с нестандартным поведением сажают за решетку; меньшинства подвергаются суду народного гнева и официальной дискриминации. Фашизм в этом смысле не обязательно подобен немецкому национал-социализму; он не обязательно проводит политику систематического геноцида, хотя вероятность последнего весьма высока. В любом случае это — тирания правого толка, поскольку она опирается на военных, другие силы «закона и порядка», взывает к реакционным чувствам

и предается мечтаниям — но не о лучшем будущем, а о прекрасном прошлом. У такого фашизма могут быть разные имена: Муссолини и Франко, Перон и Пиночет», — писал Р. Дарендорф (Дарендорф, 1994).

Причина возникновения фашизма кроется не в «долине слез» (т.е. болезненном для большинства населения переходном периоде от командной к рыночной экономике) и даже не в глубоком разочаровании большинства населения в обещаниях демократии. Гораздо более важный фактор — подъем национализма, связанный не с установлением нации-государства, а скорее со стремлением к этнической однородности и отторжению чуждых элементов.

Источник фашизма, по мнению Р. Дарендорфа, коренится во внезапном воздействии современного индустриального мира на неподготовленное общество, сохраняющее многие характерные черты старого режима и одержимое вопросом о статусе (полученном в наследство от эпохи авторитаризма). Одно с другим просто несовместимо. В результате влиятельные группы утрачивают свое место в социуме и теряют ориентацию. Они застревают на полпути между старым и новым и ненавидят капитализм не меньше, чем социализм; новых богатых не меньше, чем новых бедных. Это фермеры и лавочники, а также члены нового среднего класса, по статусу и образованию государственные служащие, белые воротнички, инженеры. В этой ситуации политическое движение, обещающее разрушить настоящее и вернуть прошлое, выглядит весьма привлекательно, и немногие понимают, что пути назад нет. Кроме того, фашизм деструктивен, и вскоре место идеологии занимает насилие.

По сравнению с коммунизмом, который — при всех издержках примененных им методов — все-таки был способом модернизации, фашизм бесплоден и ретрограден. Поэтому есть основания надеяться, что страны, однажды пережившие фашистский ад, больше в эту реку не войдут. Однако, с другой стороны, живучесть старых социальных структур в бывших социалистических странах просто поразительна. Это не доиндустриальные авторитарные структуры; скорее они напоминают то, что было в Европе сразу после Первой мировой войны. Индивидуальный шок переходит в шок социальный, между мечтами и реальностью возникает пропасть. «Мне становится дурно при мысли о команде, состоящей из военных чинов, экономистов — плановиков и расистов, которых могут привести к власти лишившиеся своего места в обществе и охваченные разочарованием группы», — пророчески предостерегал Р. Дарендорф (Дарендорф, 1994).

Показательно, что проблематика фашизма в его различных версиях сегодня вновь вернулась в центр общественных дискуссий представителей гуманитарных наук. Один из них, известный российский историк А. А. Галкин, опираясь на опыт многолетних исследований, предложил собственную гипотезу, позволяющую более адекватно выявить глубинные основы фашистского феномена. Согласно этой гипотезе, фашизм представляет собой иррациональную,

неадекватную реакцию разнородных массовых групп населения на острейшие кризисные процессы, разрушающие устоявшиеся экономические, социальные, политические и духовные структуры, свойственную, при определенных обстоятельствах, обществам современного типа. Особенность этой реакции обусловлена в решающей степени тем, что она формируется, находясь в своеобразном растворе правоконсервативных ценностей. Следовательно, для того чтобы объективно оценить причины зарождения, распространения и перспективы фашизма, как и родственных ему явлений, необходимо, с одной стороны, тщательно проследить динамику социально-экономической и социально-политической ситуации в рассматриваемых сообществах, а с другой — уяснить происходящее с комплексом ценностей, совокупность которых принято определять как идеологию консерватизма (Галкин, 2014). «Изложенное выше дает все основания констатировать, что фашизм с самого начала сложился как специфическая форма правоконсервативного революционаризма, пытающегося, не считаясь с издержками, насильственно снять реальные противоречия, существующие в обществе, разрушив все то, что воспринимается им как препятствие сохранению и возрождению фундаменталистски трактуемых извечных основ бытия», — считает А. А. Галкин (Галкин, 2014).

Доминантное размежевание на глобальном уровне резонирует в региональные и национальные «домены», порождая и в них противостояние между модерном и архаикой, демократией и различными разновидностями авторитаризма, открытостью внешнему миру и автаркией (режимом закрытого доступа). Стирание границ между внутренней и внешней политикой приводит к трансляции внутренних противоречий во внешнеполитическую сферу, отказу от сотрудничества и выбору конфронтации с окружающим миром в качестве технологии общенациональной консолидации и мобилизации. Справедлива и обратная связь: решение внутривнутриполитических проблем, выгодное для правящих кругов, осуществляется за счет создания «образа внешнего врага» и мобилизации против него широкой общественной поддержки. Сценарий возврата к временам «холодной войны» и риск прямого вооруженного столкновения перестает быть утопическим, а «маленькая победоносная война» вновь возвращается в привычный арсенал излюбленных средств авторитарных политиков. Надежда Э. Гидденса на победу космополитической точки зрения, напрямую связанной с распространением демократии, сегодня звучит не столь уверенно, как десятилетие назад. Немецкие исследователи также обращают внимание на то, что прогнозы о неизбежной победе демократии над всеми иными политическими формами носили большей частью спекулятивный характер. «И не только это: на протяжении последних четырех лет наблюдается ползучая эрозия демократических и свободлюбивых ценностей» (Gerschewski, et al., 2013). Ученые постулируют «возврат авторитарных великих держав», а Л. Даймонд фиксирует очередной «демократический откат» (Gerschewski, et al., 2013). К тому же сама

демократия нуждается в серьезном обновлении в соответствии с требованиями глобальной эпохи и надежной защите от надвигающихся угроз.

Вместе с тем привычные констатации кризиса демократии, с удовлетворением транслируемые преимущественно право-консервативными политическими силами, не учитывают всех возможных последствий подобного развития событий. Отказ от демократических норм, институтов и процедур означал бы как для отдельных стран, так и для человечества в целом крах с таким трудом наработанных международных норм и режимов взаимодействия и сотрудничества, возвращая человечество в состояние «войны всех против всех». В контексте ясно обозначившихся угроз фундаментализма, национализма и фашизма не трудно представить себе, что может прийти на смену демократии: оголтелый национализм и фашизм уже стоили человечеству двух мировых войн.

Впрочем, не менее рискованным экспериментам подвергают демократию левопопулистские политические силы, использующие «старые», классические процедуры демократии с целью усиливать свой ресурсный политический капитал, не считаясь с возможными политическими последствиями¹. В частности, экономические трудности в ряде стран Евросоюза активно «работают» на левопопулистскую политическую волну: последняя уже активно проявила себя в Греции и набирает силу в Испании. Массовая миграция в Европу из инкультурных регионов мира, прежде всего из государств Африки и Ближнего Востока, подпитывает шовинистические и ультраправые настроения, надувающие паруса удачи правоконсервативным или праворадикальным националистическим (и даже нацистским) партиям, которые уже довольно уверенно и вольготно чувствуют себя в Европарламенте, пытаясь разрушить Евросоюз в угоду своим политическим амбициям. Демократические институты, столь привычные для европейцев, включая независимость суда, соблюдение прав человека, свободы ассоциаций и информации и т.д., либо деформируются, либо активно игнорируются и нарушаются в ряде стран. Прежняя уверенность в успешности европейского проекта отныне не выглядит столь очевидной, хотя обрекать Евросоюз на распад еще рано: внутренние механизмы оздоровления ситуации в нем еще достаточно прочны, а лидеры прилагают немало усилий к разрешению многочисленных возникающих проблем. Однако ключевой проблемой остается выработка ценностного наполнения европейского проекта. Толерантность и мультикультурализм дают сбой, выхолащиваются в условиях

¹ Красноречивым примером стали действия левопопулистского правительства Греции во главе с премьер-министром А. Ципрасом, шантажировавшим коллег по переговорам с целью склонить кредиторов к выгодной для себя сделке (выделение новых кредитов объемом 53 млрд евро для обслуживания гигантского внешнего греческого долга – свыше 300 млрд евро). Левопопулистская «СИРИЗА», активно занимаясь демагогией, намеревалась решить греческие проблемы за счет европейских налогоплательщиков, прежде всего немецких. Внутренний референдум должен был обязать кредиторов «раскошелиться»: 61 % поддержки, высказанной на референдуме, Ципрас надеялся «продать» ЕС в виде сделки по списанию части долгов.

отсутствия своего содержательного наполнения, соответствующего новым условиям и новым вызовам.

Серьезной угрозой не только цивилизованному миру, но и собственно исламской цивилизации сегодня выступает проект радикального исламизма — «Джихад». Ряд исследователей, включая Ф. Фукуяму, скептически оценивают ограниченные возможности воинствующего ислама, подчеркивая, что возрождение ислама основывается на двойном провале, а именно на потере традиционных ценностей в свете западного культурного влияния и одновременной неспособности успешно конкурировать с Западом в хозяйственной и политической сфере. Такая позиция, по его мнению, не может победить. Эту несколько самоуверенную точку зрения корректирует заслуживающее внимания напоминание Р. Дарендорфа о том, что опасные искушения несвободы исходят только от тех движений, которые могут сделать понятным и убедительным тот факт, что им принадлежит будущее. В ином случае они останутся лишь болезненными уколами для Запада, но не альтернативным проектом (Dahrendorf, 2006).

Однако звучали и более тревожные характеристики радикального ислама из уст С. Хантингтона, Э. Геллнера, предостерегавших от недооценки этой новой угрозы цивилизованному миру, отличающейся *интегризмом как противоположностью плюрализму*, т.е. интеграцией государства, хозяйства и общества в одной идеологической системе. Помимо всего прочего речь идет о поисках уммы (Э. Геллнер), т.е. такой общности, которая избавляет людей от мучительного выбора. Люди, которые благодаря просвещенческой истории последних десятилетий нашли свою индивидуальную идентичность, снова хотят ее отдать, потому что боятся свободы (Dahrendorf, 2006).

«До тех пор, пока ислам остается исламом (каковым он и останется) и Запад остается Западом (что более сомнительно), этот фундаментальный конфликт между двумя великими цивилизациями и свойственным каждой образом жизни будет продолжаться, определяя взаимоотношения этих цивилизаций в будущем в той же мере, в какой он определял их на протяжении минувших четырнадцати столетий», — писал С. Хантингтон (Хантингтон, 2003). *Это конфликт между либеральным и фундаментально нелиберальным порядком.* Немало людей видят в усиливающемся исламе как угрозу, так и искушение. Хорошо образованные молодые люди искушаются исламом и соблазняются высшей воинственностью, простирающейся до актов самоубийства. Ислам, который вербует сторонников, многого от них требует, укрепляет свои антизападные позиции, тогда как Запад — демографически и ментально (в плане своего самосознания) — приходит в упадок. Хантингтон не был уверен в том, сможет ли смягчиться отношение «квази-войны» до «холодной войны» или даже до «холодного мира», но предостерегал от того, что линии расколов остаются взрывоопасными, будь то на Кавказе, в Ираке, в Турции или в городах и пригородах Европы.

Вместе с тем проблема не ограничивается только исламом. Фундаменталистские искушения присутствуют во всех религиях, а также в многочисленных псевдорелигиях. Они обращаются против просвещения, конституируются как антипросвещение. Наука — от генетических исследований до биологического учения о развитии («дарвинизма») — также попадает под прицел фундаменталистов. Одновременно с современной наукой под подозрением оказывается вся остальная символика современности: техника, хозяйство, прежде всего там, где можно изобразить черными красками угрозу глобализации, масс-медиа во всех их современных агрегатах. При этом именно они так же интенсивно используются, как и осуждаются. В целом же антипросвещение является не столько возвращением к домашнему Прошлому (Старому) (как оно это подает), сколько борьбой всеми средствами современности против Нового.

С тезисом о том, что ключевым водоразделом мира будущего будет ценностный конфликт, солидаризируются и многие отечественные авторы, правда, с примечательными оговорками. По мнению А. В. Лукина, современный глобальный конфликт формируется между моральным и ценностным релятивизмом, якобы свойственным западной цивилизации, и принципом абсолютных ценностей, характерных незападным цивилизациям, включая православно-славянскую во главе с Россией (Лукин, 2014). При этом автору претит четкая и ясная идентификация вторых как консерваторов и традиционалистов, о чем он неоднократно проговаривается, доказывая (не всегда, впрочем, убедительно) созидательный характер консерватизма, препятствующего сползанию к хаосу, первобытному состоянию и т.д.

Концепция абсолютных ценностей, освященных божественным разумом и не подлежащих эволюции, разумеется, удобна для диктаторов и ортодоксов всех мастей, тем более что сами они не в состоянии предложить более привлекательный и теоретически фундированный общественный проект. Собственно, именно это имел в виду Ф. Фукуяма, когда констатировал исчерпание привлекательности левой идеи вследствие краха СССР и олицетворяемого им социалистического проекта и одиозности национализма, потерпевшего крах в ходе Второй мировой войны. А. В. Лукин вынужден признать, что пока выдвижение моделей, альтернативных западным, действительно производится преимущественно авторитарными лидерами и системами, в которых не используются ведущие достижения западной цивилизации: высокий уровень политической свободы, обеспечиваемой системой разделения властей, верховенством права и т.п. Это в значительной мере лишает такие модели привлекательности. «Даже не признавая политические свободы высшей целью человечества, все же крайне негуманно и даже лицемерно было бы считать их и вовсе ненужными и отрицать их необходимость в качестве благоприятного условия для достижения иных, более высоких целей. Такое отрицание часто является оправданием для вечного и неэффективного правления диктаторов всех мастей и репрессий с их сторо-

ны, — отмечает автор. — Поэтому идеальная привлекательная незападная модель должна сочетать в себе высокий уровень свободы с системой абсолютных ценностей. Будет ли кем-то предложена такая модель или борьба по-прежнему будет вестись между двумя традиционными оппонентами — ценностный релятивизм плюс свобода против ценностного абсолютизма в сочетании с авторитаризмом, — покажет будущее» (Лукин, 2014).

Думается, что ответ на этот вопрос показывает скорее не будущее, а прошлое, в особенности тем, кто способен учиться на его уроках. Чем оборачивается сочетание так называемого «ценностного абсолютизма» (например, крови и почвы) с диктаторскими формами организации политической власти и общественной жизни, человечество слишком хорошо познало в XX в., справедливо названном З. Бжезинским «преступным столетием». Миллионные жертвы были принесены на алтарь победы над нацизмом, фашизмом и милитаризмом всех мастей вовсе не для того, чтобы экспериментировать с этим проектом снова и снова, хотя попытки такого рода не прекращаются. Достаточно вспомнить новую угрозу человечеству — террористическую группировку «Исламское государство»² чьи бесчеловечные практики, варварство, в том числе и в отношении культурных ценностей, считающихся мировыми сокровищами, не оставляют никаких сомнений в следовании так называемым «абсолютным ценностям». Наряду с варварскими методами борьбы этот проект в последнее время претерпел изменения в сторону экстерриториальности: в нем больше нет уточнения «Ирака и Леванта», следовательно, такое исламское государство планируется создавать вне привязки к конкретной территории, но неизменно при поддержке ревнителей «абсолютных ценностей». Именно эта фанатичность и превращает феномен ИГИЛ в главную угрозу цивилизованному человечеству, поскольку диалог с фанатиками невозможен, рациональные аргументы бессильны. Однако социальный состав террористических группировок, в которых преобладают молодые люди, в том числе из обеспеченных семей, свидетельствует о том, что вовсе не материальные блага являются главным соблазном для тех, кто пополняет ряды террористов. Здесь также идет формирование большого Проекта будущего, собственной идеологии, привлекательной прежде всего для молодых людей, и не только в арабском мире. Победить эту идеологию гораздо сложнее, чем разгромить военные базы террористов: нужно попытаться понять ее природу, секрет ее притягательности и мобилизующей силы, чтобы быть в состоянии развенчать ее антигуманистические соблазны и бесчеловечные практики.

Ближний Восток, ставший ареной так называемой «арабской весны» 2011 г., выявил совокупность факторов, вызвавших волну политических потрясений. В их числе — поздний выход из колониальной зависимости, попытки модернизироваться, экономический провал, коррумпированные несменяемые диктаторские режимы и как реакция на это — поиск ответа в религии, в исламе,

² Террористическая группировка «Исламское государство» (ИГИЛ) запрещена в РФ.

в жесткой оппозиции с собственным правительством. Набор этих факторов присутствует и в других регионах (например, в Средней Азии), вследствие чего они также не застрахованы от возникновения политической нестабильности. Упорное сопротивление коррумпированных правителей обновлению и демократической открытости создает серьезные риски политической радикализации оппозиции, использующей неконвенциональные методы и средства борьбы как вынужденный ответ на репрессии властей.

Чем оборачивается глобальный конфликт для России? Некоторые авторы дают предельно жесткий ответ на этот вопрос: «Сейчас конфликт фундаментализма с современностью становится знаком времени: террор, угроза ядерного шантажа, беженцы, — пишет А. Рубцов. — И вот Россия в гигантской миниатюре начинает воспроизводить внутри себя этот конфликт с мутной архаикой, всплывающей, будто вовсе из другого времени, в другом измерении» (Рубцов, 2015). Архаизация общественной жизни действительно имеет место, хотя оценка автора, вероятно, излишне жесткая. Однако глобальный конфликт не просто непосредственно затрагивает Россию, но и кардинально меняет политическую повестку дня, содержание общественного дискурса, формы коммуникации государства с гражданским обществом, статус оппозиции, систему базовых ценностей, затрагивая даже конституционные основы государства. Достаточно обратить внимание на изменение дискурса и лексикона власти. До 2011 г. последний (т.е. лексикон власти) был наполнен терминами будущего: модернизация, глобализация, смена вектора, диверсификация, инновации, человеческий капитал и экономика знания, технопарки и внедренческие зоны, hi-tech, startup и т.д. После 2012 г. произошла своеобразная «перезагрузка», ознаменовавшаяся выдвиганием на первый план иных терминов: духовные ценности, идентичность и самобытность, генетический код, скрепы, нравственные устои, моральное превосходство и даже «целомудрие». Налицо все атрибуты традиционализма, трактуемого как консервативный ренессанс, якобы необходимый и даже спасительный для страны в условиях обострившихся внешних угроз.

В таких условиях весьма тревожным фактом выглядит отсутствие должного внимания к проектированию будущего, которое фактически отодвинуто на периферию общественного внимания вследствие актуальных политических событий. Более того, остракизму подвергается любая теория, объясняющая и, следовательно, оправдывающая необходимость своевременных политических изменений как профилактики политической нестабильности и конфликтогенности. Напротив, причины нестабильности пытаются связать именно с изменениями, вследствие чего проблема политической динамики вообще исчезает из актуальной повестки дня.

Между тем необходимость качественного государственного управления и стратегического мышления в нынешнем сложном веке чрезвычайно велика и отмечается практически всеми исследователями и политиками, размышляя-

ющими о судьбах государства в условиях глобализации (Фукуяма, 2006). По словам творца сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю, нет иной приемлемой альтернативы глобальной интеграции. «Протекционизм, скрытый под личиной регионализма, рано или поздно приведет к конфликтам и войнам между региональными блоками, поскольку они соревнуются за получение выгод во внеблоковых районах, подобных нефтяным странам Залива. Глобализм — это единственный ответ, который справедлив, приемлем и будет поддерживать мир во всем мире» (Никитенко, 2015).

Приходится с сожалением признать, что в российском политическом дискурсе в оценках происходящих процессов и реакции на них некоторые авторы руководствуются иными принципами, в частности, «фундаментально нелиберальным» (С. Хантингтон) методологическим национализмом. Однако последствия решений, продиктованных крайностями этой парадигмы, могут оказаться весьма негативными. Так, в частности, предпринимаются попытки переоценки самого концепта государства, когда последнее трактуется как нерасчлененное целое; понятие «гражданского общества» как совокупности автономных образований и объединений людей, сдерживающих чрезмерную экспансию государства в сопредельные сферы, трактуется намеренно превратно. При таких трактовках исчезает внутренняя политика как конкуренция политических сил, в ходе которой вырабатывается общенациональный консенсус по наиболее значимым для общества проблемам. Это фактически означает возвращение назад, в XVII век, когда государство и гражданское общество еще воспринимались как единое нерасчлененное целое, а сувереном власти выступал не народ, а абсолютный монарх. Проблематика суверенитета также подвергается весьма произвольным трактовкам либо откровенно табуируется³.

Не могут не вызывать тревогу попытки некоторых авторов представить право государства на насилие как первичное по отношению к правам граждан, как основание и источник власти, что позволяет применять его не как последний аргумент, а как превентивную меру. Отсюда же проистекает искреннее презрение к идее любых переговоров и «уступок» чьим-либо требованиям, включая самих граждан. Парадоксальным образом эта позиция считается по-настоящему «государственной». Но в действительности именно злоупотребление монополией государства на насилие ведет к подрыву этой монополии, а в конечном счете — к подрыву государственности. Это наглядно продемонстрировали события «арабской весны» 2011 г., а также кризис легитимности постсоветских режимов в Грузии, Киргизии, Украине.

Современные исследователи эволюции государства и обретения им статуса политического института обращают внимание на то, что политическая сфера есть плод исторической эволюции общества, отразившая институционализацию государством неконгруэнтных методов в публичной и в латентной сферах, в ор-

³ См. например: (Матвейчев, 2014).

ганизации массового дискурса и в процессе принятия решений. «Такой взгляд на динамику политических процессов показывает возможность не только дальнейшего усложнения конфигурации политической сферы (к примеру, в связи с усилением позиций международных игроков на национальных площадках), но и деинституционализации отдельных внутривнутриполитических арен (например, в связи с новыми формами взаимодействия online и offline коммуникаций) и даже их исторического полураспада (распада)», — считает А. И. Соловьев (Соловьев, 2014). Следовательно, политические компетенции государства обещают и впредь не упрощаться, но усложняться и множиться, порождая новые, еще более сложные формы взаимосвязей его функциональных граней. Это будет предъявлять все более высокие требования к тем, кто, говоря словами К. Поппера, «населяет» государственные институты, т.е. к правящей элите.

Весьма опасными представляются также усилия некоторых активистов дифференцировать население по степени патриотичности, что прямо нарушает конституционные права и свободы граждан: свободу слова, собраний, демонстраций и т.д. Заодно происходит фактическое покушение на важнейшую функцию самого государства — обеспечивать социальный мир, формировать общественное согласие. Общеизвестной задачей современного государства является управление в интересах и к выгоде всех своих граждан. В силу этого оно обезличено (*impersonal*), наличие гражданства само по себе гарантирует определенные права и статус вне зависимости от наличия полезных связей либо каких-то иных предпочтений.

Опасения по поводу эрозии государственного суверенитета, типичные для современных консерваторов — охранителей, по сути, исходят из представления о некоем золотом веке, в котором национальные государства якобы обладали *абсолютным контролем* над своими ресурсами и территорией. Однако подобные представления сильно мифологизированы и не соответствуют действительности. Суверенная государственность никогда не была абсолютной, однако традиция абсолютизации государственного суверенитета, сформировавшаяся на протяжении XIX–XX вв., наложила свой отпечаток на эти представления. «В действительности постоянно существовало определенное несоответствие между идеями и реалиями политического суверенитета, — отмечает М. Ноженко. — Это было связано с тем, что, *во-первых*, национальные политические сообщества вырабатывают и осуществляют решения и политический курс, не всегда руководствуясь только своими собственными интересами... *Во-вторых*, общество *никогда* не было просто национальным. Напротив, оно всегда было и транснациональным, то есть включало в себя отношения, которые свободно простирались за национальные границы» (Ноженко, 2007). Общество также было «геополитическим», включающим в себя отношения между национальными единицами. Таким образом, транснациональные отношения возникли не в «постсовременный период», они накладывали ограничения на

суверенитет государств всегда и везде. И даже в периоды автаркии, которые переживали государства в XIX и XX вв., «финансовый капитал, как правило, всегда оставался в значительной мере транснациональным» (Ноженко, 2007).

Стратегия охранительства, избранная российской правящей элитой, может иметь успех в тактическом плане, поскольку позволяет добиться общественной консолидации на основе сохранения самобытности и традиционных ценностей, встречающих поддержку широких слоев населения, испытывающих страх перед неопределенностью будущего и рисками дестабилизации. Однако стратегически она может обернуться колоссальным проигрышем, неэффективной растратой человеческих, материальных и временных ресурсов, которые в сложившихся глобальных условиях являются невозполнимыми.

Тезис о том, что мы живем «в эпоху перемен», в последнее время употребляется настолько часто, что это стирает остроту содержания. Перемены происходили и раньше: мировой опыт — социокультурный, экономический, военно-политический, связанный с доиндустриальной и индустриальной эпохами, подтверждает высокую политическую динамику прошлых эпох. Вместе с тем нельзя не признать, что эти перемены имели иную скорость социального времени. Начиная примерно с последней трети XX в. социальное время ускоряется, различия множатся, и мир обретает новый статус, который сегодня можно определить как «сложный мир». «Опознание, осознание изменившихся обстоятельств отстает от реальности, и, как результат, мы попадаем в ловушки неточных карт и дефицита имен для нахлынувшей новизны, — отмечает А. Неклесса. — Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию» (Неклесса, 2015). Эти слова впору адресовать не только политикам, обязанным объединить свои усилия в борьбе против новых надвигающихся угроз, но и исследователям-политологам, получающим возможность подтвердить свой высокий научный статус точной диагностикой этих вызовов и поиском убедительных ответов на них.

Библиографический список

1. Галкин, А. А. (2014). Фашизм как общественный недуг. *Берегиня 777 Сова. Научный журнал*, 23 (4), 11–21.
2. Гидденс, Э. (2004). *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. Москва: Весь Мир.
3. Дарендорф, Р. (1994). Размышления о революции в Европе (в письме некоему господину в Варшаве). *Путь. Международный философский журнал*, 6, 99.
4. Дарендорф, Р. (2002). *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
5. Кравченко, С. А. (2014). «Нормальная аномия»: контуры концепции. *Социологические исследования*, 364 (8), 3–10.

6. Лукин, А. В. (2014). Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции. *Полис. Политические исследования*, 6, 102–113. DOI: 10.17976/jpps/2014.06.08.
7. Матвейчев, О. А. (2014). Актуальность понятия «суверенитет» в современном мире. *Тетради по консерватизму*, 3, 157–165.
8. Неклесса, А. И. (2015, 10 июня). Черные лебеди над Донбассом. *Независимая газета*, 115 (6446). Режим доступа http://www.ng.ru/ideas/2015-06-10/5_donbass.html
9. Никитенко, Н. (ред.) (2015). *Сингапурское чудо: Ли Куан Ю*. Москва: АСТ.
10. Ноженко, М. В. (2007). *Национальные государства в Европе*. Санкт-Петербург: Норма.
11. Рубцов, А. (2015, 16 сентября). Разворот над Атлантидой. *Новая газета*, 101. Режим доступа <http://www.novayagazeta.ru/comments/69948.html>
12. Соловьев, А. В. (2014). Государство как политический институт: проблема теоретической идентификации. *Вестник Воронежского госуниверситета. Серия: История. Политология. Социология*, 4, 24–130.
13. Фукуяма, Ф. (2006). *Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке*. Москва: АСТ, АСТ Москва, Хранитель.
14. Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ.
15. Dahrendorf, R. (2003). *Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21. Jahrhundert*. Muenchen: Verlag C. H. Beck oHG.
16. Dahrendorf, R. (2006). *Versuchungen der Unfreiheit (Die Intellektuellen in Zeiten der Prufung)*. Munchen: Verlag C. H. Beck oHG.
17. Gerschewski, J., Merkel, W., Schmotz, A., Stefes, C., Tanneberg, D. (2013). Warum uberleben Diktaturen. *Politische Vierteljahresschrift*, 47, 106–131.

Статья поступила в редакцию 22.08.2015.

.....

CONTEMPORARY GLOBAL CONFLICT AND ITS NATIONAL PROJECTIONS (CONFLICT-ORIENTED DISCOURSE)

Glukhova A. V.

Gluhova Aleksandra Viktorovna, Voronezh State University, 394088, Russia, Voronezh region, Voronezh, 15 V. Nevsky Street. E-mail: avglukhova@mail.ru

The article is dedicated to new risks which were caused by the globalization and to identity bases of contemporary political conflicts. The author gives viewpoints of well-known scientists concerning the main cleavage that determines a contemporary global conflict as a conflict between fundamentalism and cosmopolitan tolerance (A. Hiddens), between extreme nationalism (fascism) and pluralism of civil society (R. Dahrendorf), and between liberal and fundamentally illiberal order (S. Huntington). It is noted that in different regions of the world, the role of right and left populism is increasing. The global main cleavage resonates into regional and national “domains”, thus causing confrontation between modern and archaic, democracy and different types of authoritarianism, openness to the outside world and autarky (self-sufficiency mode). The conservatism strategy that was chosen by some ruling elites could be efficient in terms of tactics as it allows to achieve social consolidation on the basis of preserving uniqueness and traditional values supported by the population at large that is in fear of uncertain future and destabilization risks. However, in terms of strategy it can lead to a great

loss and inefficient waste of human, material and time resources that are irreplaceable in the current global environment.

Key words: globalization, risk, global political conflict, main cleavage, fundamentalism, cosmopolitan tolerance, liberal order.

References

1. Dahrendorf, R. (2003). *Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21. Jahrhundert*. Muenchen: Verlag C. H. Beck oHG.
2. Dahrendorf, R. (2006). *Versuchungen der Unfreiheit (Die Intellektuellen in Zeiten der Prufung)*. Munchen: Verlag C. H. Beck oHG.
3. Darendorf, R. (1994). Razmyshleniya o revolyutsii v Evrope (v pis'me nekoemu gospodinu v Varshave) [Reflections about Revolution in Europe (In the Letter to Certain Mister in Warsaw)]. *Put'. Mezhdunarodnyy filosofskiy zhurnal* [Way. International Philosophical Magazine], 6, 99.
4. Darendorf, R. (2002). *Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. Ocherk politiki svobody* [Modern Social Conflict. Freedom Policy Sketch]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
5. Fukuyama, F. (2006). *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke* [Strong State: Management and a World Order in the XXI Century]. Moscow: AST, AST Moskva, Khranitel'.
6. Galkin, A. A. (2014). Fashizm kak obshchestvennyy nedug [Fascism as Public Illness]. *Bereginya 777 Sova. Nauchnyy zhurnal* [Scientific Magazine], 23 (4), 11–21.
7. Gerschewski, J., Merkel, W., Schmotz, A., Stefes, C., Tanneberg, D. (2013). Warum uberleben Diktaturen. *Politische Vierteljahresschrift*, 47, 106–131.
8. Giddens, E. (2004). *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [The Escaping World: as Globalization Changes Our Life]. Moscow: Ves' Mir.
9. Khantington, S. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Collision of Civilizations]. Moscow: AST.
10. Kravchenko, S. A. (2014). "Normal'naya anomiya": kontury kontseptsii ["A Normal Anomy": Concept Contours]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Researches], 364 (8), 3–10.
11. Lukin, A. V. (2014). Stolknovenie tsennostey v sovremennom mire i perspektivy evraziyskoy integratsii [Collision of Values in the Modern World and Prospects of the Euroasian Integration]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Researches], 6, 102–113. DOI: 10.17976/jpps/2014.06.08.
12. Matveychev, O. A. (2014). Aktual'nost' ponyatiya "suverenitet" v sovremennom mire [Relevance of the Concept "Sovereignty" of the Modern World]. *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on Conservatism], 3, 157–165.
13. Neklessa, A. I. (2015, 10 iyunya). Chernye lebedi nad Donbassom [Black Swans over Donbass]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 115 (6446). Retrieved from http://www.ng.ru/ideas/2015-06-10/5_donbass.html
14. Nikitenko, N. (red.) (2015). *Singapurskoe chudo: Li Kuan Yu* [Singapore Miracle: Li Kuang Yu]. Moscow: AST.
15. Nozhenko, M. V. (2007). *Natsional'nye gosudarstva v Evrope* [National States in Europe]. St. Petersburg: Norma.

16. Rubtsov, A. (2015, 16 sentyabrya). Razvorot nad Atlantidoy [A Turn over Atlantis]. *Novaya gazeta* [New Newspaper], 101. Retrieved from <http://www.novayagazeta.ru/comments/69948.html>
17. Solov'ev, A. V. (2014). Gosudarstvo kak politicheskiy institut: problema teoreticheskoy identifikatsii [State as Political Institute: Problem of Theoretical Identification]. *Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 4, 24–130.